
ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

ПОСТРОЕНИЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ: ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ВЕРСИЯ*

Часть вторая. От начального периода
освоения континента к XX в.

О.Ю. Бондарь

Кафедра социальной философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Процесс построения самоидентификационных моделей рассматривается на примере пограничных цивилизаций. Выявляется сложность и специфика этого процесса, его зависимость от исторического и культурного контекстов. Автор пытается раскрыть поиск сущности Америки и ее чело- века с учетом двух перспектив: внешней — европейской — и внутренней — собственно латино- американской.

Ключевые слова: инаковость, изобретение, Конкиста, мифологема, Новый Свет, открытие, пограничная цивилизация, самоидентичность, сущность Америки.

Открытие Америки: Америка как «идея». В большинстве случаев в испаноязычной литературе историческое событие открытия Америки фиксируется словом «descubrimiento» — «открытие». Однако встречается обозначение этого события словом «invención» — «изобретение». Оно фигурирует в текстах начального периода освоения Нового Света, начиная с латинских переводов писем Х. Колумба «De insulitis inventis» конца XV в. В начале XVI в. Эрнан Перес де Олива использует это слово в заглавии своей книги «Historia de la invención de las Indias» («История изобретения Индий»). Хуан де Костельянос также обращается к нему в «Elegías de varones ilustres de Indias» («Элегии о достославных мужах Индий») — эпической поэме, приуроченной к столетию первого плавания Колумба, воспевающей участников первых экспедиций в Новый Свет словами: “Al Occidente van encaminadas las naves inventoras de regiones” («Плывут на запад корабли флотилии, изобретая новые пределы»).

---

* Продолжение. Часть первую см.: *Бондарь О.Ю.* Построение самоидентификационных конструкций // Вестник РУДН. Серия «Философия». 2013. № 1. С. 98—108.

Определенный интерес в этом отношении представляют хроники XVI в. Андрес Бернальдес называет Х. Колумба «inventor de las Indias» («изобретатель Индии»). Сходное имя Х. Колумбу дает священник-гуманист Б. де Лас Касас, и, усматривая в его свершениях провиденциалистский смысл, говорит о нем как о «inventor deste orbe» («изобретатель этого мира») и напрямую связывает его персону с божественной миссией. И не случайно: имя Христофор означает Богоносец, или Христа несущий, а Колумб — «заселяющий новые земли» (Cristóbal, traedor o llevador de Cristo; Colón, “poblador de nuevo”). Подкрепляя понимание мессианской роли Х. Колумба аристотелевским тезисом о «сообразности имен со свойствами и назначениями вещей», священник утверждает, что «часто само Божественное Провидение указывает, какие имена и прозвания должно давать людям, дабы соответствовали они занятиям и деяниям, что тем предуготованы, и тому немало отыщется примеров в Священном Писании» (1).

С формальной точки зрения применять слово «изобретение» к открытию Нового Света недопустимо. Однако в континентальной культурфилософской традиции смыслы понятий открытия и изобретения концептуализируются и становятся центральными в идентификационном дискурсе. В XX в. идея «изобретения Америки», если и не тематизирует творчество, то обсуждается в работах многих авторов. В частности, Эдмундо О'Горман, Артуро Услар Пьетри, Энрике Дуссель, Фернандо Аинса (2) и др. формируют новый взгляд на ранние тексты освоения континента, проблематизируют само открытие Америки и выделяют его как самостоятельную тему.

Касаясь главного — значений в испанском языке слов «descubrir» и «inventar» (3), важно подчеркнуть следующее. В слове «descubrir» наряду со значением «делать открытие» стоят «обнажать», «обнаруживать», «встречать». В данном случае «открыть» означает увидеть нечто, что было скрыто (cubierto). Что же касается слова «inventar», то такие его значения, как «открывать» неизвестное, «изобретать», «вымышлять», указывают на иной смысл, а именно создавать нечто, что не существовало прежде. В этом контексте открытие Америки уточняется такими понятиями, как «открытие-обнаружение» и «открытие-изобретение».

Если понимать событие открытия Америки в смысле ее обнаружения (descubrimiento), то открыта была не Америка, а некое пространство, априорно существующее. Если понимать это событие во втором смысле (invención), то Америка не открывалась, она выступала лишь названием, объединяющим различные реальности, которые изобретались в каждый конкретный исторический период. Смысловой акцент становится определяющим в понимании исторической роли лиц, непосредственно связанных с данным событием. В частности, для Э. О'Гормана Х. Колумб — это «открыватель» (descubridor) Америки, для А. Веспуччи — ее «изобретатель» (inventor). У М. Вальдземлюллера читаем: «Четвертая часть света „nventa est“ Веспуччи» (4).

Перенесение смысловой нагрузки в интересующем нас понятии с открытия-обнаружения на открытие-изобретение позволяет интерпретировать факт открытия Америки как «идею открытия Америки» — подлежащий реализации интеллектуальный проект, и раскрыть в новом ракурсе проблему ее исторического

бытия. Это означает, что вопрос: «кем и когда была открыта Америка» получает иную постановку — «когда и как появляется Америка в историческом сознании» (5). С этой позиции представляется возможным выделить в развитии идеи открытия Америки два этапа: «географическое изобретение» и «историческое изобретение».

Временные контуры первого этапа очерчиваются началом XVI в. и, собственно, ограничиваются им. За столь короткий промежуток времени идея открытия Америки оказала взрывоподобное воздействие на европейское сознание: физическое пространство практически удвоилось и получило зрительное воплощение на географической карте мира в виде двух полушарий.

Начало этапа исторического изобретения совпадает со временем изобретения Америки как географического существа, но выходит из его хронологических границ и распространяется (разветвляется) на последующие периоды, которые можно условно обозначить как «европейский» и собственно «американский». Что же касается вопроса временного интервала этапа, то Э. О'Горман предлагает включить в него современный период истории и поэтому считать его незавершенным.

Включение идеи Америки в структуру европейского мышления стало точкой отсчета ее существования как исторической данности. В своих истоках европейский дискурс об Америке явился попыткой подступиться к неизвестной территории и объяснить открывшуюся неизвестность через «окрещение» (Ф. Аинса). Он пролегал через нелегкий путь сравнения, описания и каталогизации инаковости.

Процесс становления идентификационного инструментария шел под сильным влиянием провиденциализма, присущего европейскому культурному сознанию. В соответствии с этими установками Европа мыслилась как «должное быть», идеал, и она изобретала Америку, но путем переноса своего образа на американскую почву: то, что мыслилось в границах Европы как Америка, по сути, представлялось лишь иной, другой Европой. Европейская мысль, усиленная натуралистически-позитивистскими тенденциями, подает европейское в качестве совершенной модели развития. Все остальные народы в сравнении с ней располагались в убывающем порядке от цивилизации к варварству. Классификация народов, закономерным образом возникающая в процессе становления методологии европоцентризма, группировала их как по расовому признаку, так и по климатическому, географическому и другим параметрам. Как замечает Л. Сеа, два неразрывных идеала западного мира — христианство и цивилизация — неминуемая судьба Нового Света.

Европа изобретала Америку путем противопоставлений, выстраивая оппозиции. Это создавало каркас ее полярных интерпретационных моделей: мифологемы Ад — Рай, цивилизация — варварство, дух — природа и пр. Европейская интерпретация проблемы «что есть Америка?» определила возникновение внешнего, идущего «извне вовнутрь» дискурса, то есть из Европы в Америку. Ответом на него стал внутренний дискурс, идущий «изнутри», из американской реальности. Несовпадение Америки с Европой, как несовпадение реального бытия — существа Америки с ее идеальной моделью (должное быть), проблематизирует внутренний

дискурс «не только тем, что есть Америка в реальности, но и тем, какой она «себя считает», или даже какой «хотела бы быть»» [1. С. 124].

Смена ракурсов нашла свое отражение в том, что было определено как американский период исторического изобретения Америки. Этот этап развития идеи Америки начался как рационализация инаковости американского человека по отношению к европейцу. Он разворачивается в ряде сменяющих друг друга самоидентификационных моделей, посредством которых шло культурно-цивилизационное самоопределение (*autodeterminación*) и выкристаллизовывалось представление об «американском». Процесс изобретения Америки как исторического сущего в континентальном масштабе соотносился с общеисторическими сдвигами, происходящими в Америке и совпадающими с ритмами ее цивилизационного формирования.

Начальный этап построения самоидентификационных моделей приходится на XVII—XVIII вв., время формирования креольского самосознания. Ключевая мифологема Америка—Рай образует скрытую доминанту образов, конструирующих Америку. Мифологема Америка—Ад, несущая дисгармоничное понимание Америки и американца, преодолевается и исправляется цивилизационным определителем — креол. Понятие «креол» включало в себя потомков испанцев, широкую этнорасовую и этнокультурную гамму нового американского населения, но оставляло исключенным пласт коренных жителей. Подобная гетерогенность не позволяет на этом этапе найти приемлемую и удовлетворяющую всех самоидентификационную формулу.

Важным историческим итогом этого периода можно считать конституирование креолами себя как отдельного и самоценного «мы», вышедшего из их «сознания инаковости» (“*conciencia de alteridad*”). Это обозначило переход американского сознания от «бытия-в-себе» (“*el ser-en-sí*”) к «для-себя-бытию» (“*el para-sí*”). Что же касается идентификационного инструментария, посредством которого строились самоинтерпретационные модели, то он был определен «аксиологической реинтерпретацией» (А.А. Роиг) европейского дискурса. Раб Калибан делает «„своим“ язык господина и полагает его себе на службу, меняя тем самым его ценностное значение» [23. Р. 51].

На рубеже XVIII—XIX вв., в период подготовки к Войне за независимость и Войны за независимость, центральной фигурой самоидентификационной рефлексии выступает идеолог «либертарного» проекта Симон Боливар. Разделяя креольские мифоидеи, утверждающие гармоничный образ Америки и американского человека, он сводит их к идеям «естественного права народов» и «естественного человека», то есть национального и социального равенства, тем самым предлагает осуществить переход от антропологической и культурной разрозненности и многослойности к нерасторжимой целостности, оформленной в единый проект. Этим С. Боливар формулирует важнейшую самоидентификационную идею: американцы — «род человеческий в миниатюре». Под этим он понимает такое сообщество, в котором соединились все живущие на земле типы человека.

С боливарийским призывом к единству и интеграции идея Америки получает ствольную направленность. В ней этнорасовые различия оборачиваются в орудие

единства — единственно возможный способ вывести Америку из хаоса. «Наша рождающаяся Республика со всеми ее моральными ценностями будет не в силах покончить с этим хаосом, если мы не сплотим народ в единое целое... не добьемся единства национального духа. Единство, Единство, Единство — вот наш девиз... В жилах наших Граждан течет разная кровь — так смешаем же ее, чтобы объединить...» [2. С. 92].

Одержимый идеей объединить все народы иберийского происхождения в общество свободных людей — «Великую Колумбию», С. Боливар видит Америку призванной быть плацдармом для осуществления всемирного единства. Он выводит идею Америки из пространственно-географической плоскости и, погружая в общемировой контекст, трансформирует ее в проект будущего мира. По его замыслу, союз свободных американских республик мог бы вдохновить на освобождение народы других стран, в частности, Африки и Азии, что, в конечном счете, должно было привести народы к созданию «единой нации Земли».

Формула С. Боливара: «мы — новый смешанный маленький род человеческий», вывела самоидентификационную рефлексию на континентальный уровень. Собственный аутентичный порядок, выявленный в ней, обозначил контуры «американского», что послужило основанием для развития специфической системы взглядов, получившей название «американизм» (“americanismo”).

Негативистские интерпретации Америки и американского человека относятся к периоду окончания Войны за независимость, включая последнюю четверть XIX в. Репрезентативным в этом отношении становится «поколение аргентинцев 37»: Х.Б. Альберди, Д.Ф. Сармьенто и Э. Эчеверрия. Ключевая мифологема Америка—Ад определяет дисгармоничный образ Америки и ее человека. Понятия «цивилизация» и «варварство» представлены как предельно разведенные полюсы. Переосмысляется роль испанского начала в культуротворческом процессе и в виду его негативной оценки вводится в понятие варварства, за счет чего расширяет его. Самоидентификационные модели начинают закрепляться на теоретическом уровне и получают первое концептуальное оформление.

Ключевой фигурой здесь выступает аргентинец Доминго Фаустино Сармьенто, основоположник латиноамериканского позитивизма и континентальной культурфилософской рефлексии. Придерживаясь заданной мифологемы, он выводит сущность Америки из оппозиции цивилизация — варварство, выносимой им в подзаголовок своей книги. Противоборством этих начал — цивилизации и варварства — Д.Ф. Сармьенто объясняет историческую, экономическую и духовно-психологическую жизнь континента. Опорной точкой его построений становится триада: раса, среда, момент. Это позволяет ему обнаружить первоисточник варварской стихии американца в самой природе, в «почве» (“suelo”), в понятие которой вкладывается результат взаимодействия природно-географических и расово-этнических факторов. Силы почвы выступают началами, задающими национальный тип человека, его образ жизни, манеру чувствовать и думать, трудовые навыки и способности, быт и жизненный уклад. От них зависит история общественного целого, его возможности и перспективы (6).

Сущность американского Д.Ф. Сармьенто видит на почве аргентинской нации (lo argentino) в гаучо-метисе — производное триады раса, среда, момент, обязанный своим появлением встречи испанцев с обитателями дикой, необузданной пампы. Образ природы становится для Д.Ф. Сармьенто началом, определяющим черты состояния общества, когда само общество и человек становятся слепком с образа природы. Природа, как первоисточник варварской стихии, порождает конкретное зло: естественные богатства пампы не используются, не поддаются возделыванию. Пампа с ее дикостью поглощает любую попытку к прогрессивному развитию и формирует особый тип человека-степняка, наделяет его грубостью и невежеством, склонностью к праздности, неспособного заниматься промышленной деятельностью, потребляющего саму природу как не отделившееся от нее существо.

Олицетворяя образом гаучо варварское начало Америки, Д.Ф. Сармьенто вплотную подходит к вопросу будущего развития континента: прогресс или регресс, цивилизация или варварство? Он рассуждает об исторической судьбе американского континента, исходя из антитезы «Испания — Северная Америка», переосмысливает отношения континента с Испанией и определяет характер их связей как временной, исторический.

В свою очередь, связь с северной частью материка — пространственная, географическая. Испания, отяготившая собой Америку, есть ее прошлое, от которого следует отказаться. Веским аргументом в пользу отречения от Испании становится пример из ее истории: культура, частью истории которой была инквизиция, — это культура с атрофированным интеллектом, как таковая не может быть опорой для будущего развития Америки.

Будучи апологетом цивилизаторского проекта развития континента, Д.Ф. Сармьенто предлагает осуществить новую метисацию с расами, несущими в себе дух цивилизации. Моделью настоящего и будущего должны стать Соединенные Штаты, и по их примеру должна реализовать себя Америка. Программу «переливания крови» Д.Ф. Сармьенто сопровождает программой «промывки мозгов». Речь идет о таком воспитании американцев, которое приобщило бы их к миру цивилизации. Идеологическим инструментом, способным помочь преодолеть деспотизм прошлого и привести Америку к намеченной ей цели, выступил позитивизм. С позиции Д.Ф. Сармьенто, приспособив дух северного народа к своей почве, Америка сможет обрести полноценное имя — Соединенные Штаты Южной Америки, «имя, которое будет не пустым звуком, ибо великие идеи, стоящие за ним, будут подкреплены чувством человеческого достоинства и духом благородного состязания» (7).

Позитивистско-натуралистическая интерпретация сущности Америки и человека получает широкий резонанс в среде представителей испаноамериканского модернизма, открывающих очередной тур дискуссий. На рубеже XIX—XX вв. варварскому образу Америки, опорному в позитивистских самоидентификационных конструкциях, противопоставляется ряд теоретических моделей, формирующихся в творчестве наследников боливарианской традиции Х. Марти, Х.Э. Родо. и др. Оппоненты позитивизма вновь обращаются к проблеме расово-этнической

гетерогенности континента и поиску гармоничного начала Америки. Придерживаясь ключевого топоса Америка—Рай, они предлагают свои решения. В XX в. модернистские поиски перетекают в различные культурологические искания, и, в частности, получают свое оформление в утопических построениях одного из представителей «поколения 900» Х. Васконселоса.

В авангард континентальной рефлексии выходят идеи Хосе Марти. Название его эссе «Наша Америка» выступает всеохватывающей формулой культурно-цивилизационного сознания. Не отказываясь признать существующим и проблемным дисгармоничное, варварское начало Америки, Х. Марти дает ему иную интерпретацию. Центральными в его объяснительной модели становятся идеи несформированности и неполноты облика Америки, что, по его мнению, является факторами, определяющими ее дисгармоничность.

Рассматривая данную ситуацию в свете ключевых для испаноамериканских модернистов оппозиций: неподлинность — подлинность, неполнота — полнота, незавершенность — завершенность, Х. Марти определяет ее понятием «переходного периода». Характерной чертой этой исторической фазы Америки выступает «борьба разнородных элементов за преобладание в единстве вида» (8). Примирением разнородного станет обретение Америкой подлинного, завершенного облика, а значит — гармоничного человека, в котором будут сняты существующие этнорасовые и этнокультурные противоречия.

Сходным образом новое толкование получает оппозиция варварство — цивилизация, опорная в позитивистской линии. Х. Марти сводит борьбу между ними к борьбе с собственной реальностью в попытках придать ей чужеродные формы, возникающей в поиске Америкой своей культурно-цивилизационной индивидуальности. Сведенный, в конечном счете, к самоотрицанию, поиск нашел выражение в смене «масок» (9), которые примеряла на себя и носила Америка: «мы были ряжеными в английских панталонах, в парижском камзоле, в сюртуке янки и в испанском берете» [7. С. 154]. Бесплодность и ошибочность поиска видится Х. Марти в том, что в бесконечной смене образов, заимствованных Америкой, эти чужеродные начала противопоставались друг другу без попыток согласовать их.

Ключевой в его теоретической формуле становится категория синтеза. Исходя из тезиса: подлинное — это синтетическое, он утверждает, что Америка не есть ни варварство, ни цивилизация. В противовес позитивистам, соотносившим фактор метисности, равно как и индейские корни, с варварством, Х. Марти представляет его определяющим, культуропорождающим началом. Он дает свое понимание Америки. «Цветные и белые, индейцы и креолы» [7. С. 252] — такую Америку Х. Марти называет «наша Америка» (“*nuestra América*”).

По сути, в определении «наша» в свернутом виде представлена боливарианская формула: «мы — маленький смешанный род человеческий». Если для позитивистов, в частности, для Х.Б. Альберди, земля не создает родины, то идея, которую вкладывает Х. Марти в свою модель, утверждает обратное. Родина — это человечество, то есть Америка, в недрах которой воспроизведена вся человеческая история. «Наша Америка» Х. Марти — это Америка, созданная ее народами. «Америка этих народов и есть настоящая Америка» [9. С. 325].

Вслед за Х. Марти линию самоидентификационной традиции, намеченную С. Боливаром, продолжает Х.Э. Родо. Идея единства Америки центрирует его ключевое эссе «Ариэль». Строгое ограничение сферой духовной жизни не мешает Х.Э. Родо придать идее Америки законченный образный характер.

Поводом к написанию эссе становится испано-американский конфликт 1898 г. и следующие из него для континента духовные перипетии, отразившиеся в континентальной культурфилософской рефлексии. Под прицелом критики Х.Э. Родо оказывается североамериканская система жизненного устройства и проповедники ее духа на континенте — позитивисты, последователи Д.Ф. Сармьенто. Мотивированный поиском скреп духовного единства Америки, Х.Э. Родо переосмысливает роль и значение иберийского начала в ее истории.

Опорной точкой в его модели выступает антитеза двух Америк, из которой следует их противопоставление как типов цивилизаций — англосаксонской и иберо-латинской. Противоположность характеров и исторических судеб двух Америк выявляется им с помощью символики. В новой интерпретации в круг культурфилософского обсуждения вовлекаются образы шекспировской драмы — Калибан и Ариэль. Духовное начало становящейся американской цивилизации символизирует Ариэль, символическим воплощением архетипа Севера — англосаксонской цивилизации, служит Калибан.

С позиции Х.Э. Родо, проповедуемые позитивизмом ценности и североамериканская модель, их воплотившая, неприменимы к действительности Америки. Принятие духовных констант «калибанова общества», мира атомарного человека, грозит обернуться Америке «делатинизацией»: потерей корней с испано-католической традицией, как следствие, очередной расколотостью. Это равносильно самоампутации. Следом за Х. Марти историческую фазу формирования Америки Х.Э. Родо понимает как дисгармоничное «переходное время». Обусловленная им обезличенная индивидуальность Америки порождает в ней тягу к чужеродным маскам, заемным образам. Преодолеть ситуацию возможно — положив «нордомании» предел (10).

Х.Э. Родо предлагает панибероамериканское видение мира: и история, и язык, и культурная традиция представляются им факторами смыслового и духовного единства Америки. «Быть может, в нашем коллективном характере пока нет четкого контура... но мы — латинские американцы — обладаем наследием расы — великой этнической традиции, которую нам надлежит поддерживать священной связью, объединяющей нас с бессмертными страницами истории, которая возложила на нас честь быть ее продолжением в будущем» [22. Р. 42—43]. Духовное единство возобладает над национальными границами, станет политической реальностью при условии опоры на латинскую культурную традицию.

«Латинское» духовное наследие не ограничивается Х.Э. Родо иберийским началом. Он говорит о нем в широком смысле, имея в виду романскую традицию в целом. Понимая Америку как наследницу всей греко-латино-романской культурной традиции и аккумулирующую ее ценности, Х.Э. Родо подчеркивает универсалистский характер ее культуры. Ключевым в его интерпретационной модели

выступает принцип гармонии, художественно воплощенный в образе шекспировского Ариэля. Образом Ариэля, исключая хаотичность, сближающим, примиряющим полярные и оппозиционные начала, выражается будущее состояние Америки, а именно — завершенность процесса ее самостроительства, преодоление неполноты собственного контура.

Общим знаменателем идей Х.Э. Родо в «Ариэле» выступает формула культурно-цивилизационной индивидуальности Америки, которая получает свое воплощение в концепции «ариэлизма» или «латинизма». Последняя, став решающим словом в споре позитивизма и испаноамериканского модернизма, обозначает собой очередную веху на пути поисков «американского».

Первая треть XX в. — это время закрепления самоидентификационной традиции на мексиканской почве. Свое продолжение она находит в утопических идеях Хосе Васконселоса. Предложенную им теоретическую модель можно рассматривать как интегрирующую все предшествующие концепты представителей испаноамериканского модернизма, заданные ключевой мифологемой Америка—Рай.

Сквозной в построениях Х. Васконселоса выступает тема этнокультурной метисации и ее значение для последующего развития всемирно-исторического процесса, которую он развивает в работах «Космическая раса» и «Индология» (11). В творчестве Х. Васконселоса идея Америки переходит в контекст универсальной проблематики.

Вопрос роли испанского наследия в истории континента вновь получает свое освещение. Из переоценки исторического опыта континента, данной Х. Васконселосом, следуют позитивные итоги Конкисты. Последние обнаруживаются в том, что период завоевания Америки привел ее к чувству целостности, тем самым позволив выйти к идее этнического универсализма континента. Специфичность исторического опыта, в котором формировался американский человек, дает Х. Васконселосу основание говорить о нем как о новом человеке — носителе зародыша «космической расы» (“*raza cósmica*”).

Факт беспрецедентного в мировой истории расово-этнического смешения, совершившегося на землях Америки в Новое время, становится стержнем его концепции. Космической, или «пятой расе» (“*quinta raza*”), смешанной из белой, желтой, красной и черной рас, Х. Васконселос предназначает исключительную историческую роль в преобразовании мира. История человечества в системе Х. Васконселоса представлена сменой трех эр: доисторической, связанной с расцветом Атлантиды, колыбели европейской и американской цивилизаций; современной, которая определяется противостоянием англосаксонской и латинской рас; и грядущей эрой «пятой расы». Что же касается его понимания расы и нации, то это не застывшие сущности, а понятия, подчиняющиеся реальности, которая находится в процессе извечного преобразования и развития.

Призвание Америки — открыть универсальную эру космической расы — определяется ее потенциальностью преодолеть глубинные противоречия, порожденные исчерпавшей себя европоцентристской моделью мира: между Востоком и Западом,

теорией и практикой, мифом и разумом. Способность Америки «быть осью будущего мира», «согласием культур» и времен прямо подтверждает ее исторический опыт интегрировать разобщенный мир в единое целое. Опыт истории американца — опыт нового человека, метиса по крови, объединившего в себе этносы и культуры, не повторяющего духовный мир завоевателя-европейца, — рассматривается Х. Васконселосом как основа нового миропорядка.

Апеллируя к исторической практике северной части Америки, где англосаксонская раса предопределила судьбу автохтонного населения, Х. Васконселос призывает осознать универсальный характер цивилизационного противостояния Америки с западноевропейской цивилизацией, включая США. Развивая идеи Х.Э. Родо, он обращается к теме латинских корней Америки. Движущей силой истории континента он утверждает духовный фактор и дополняет его фактором этнокультурного синтеза, отсутствовавшего в модели Х.Э. Родо.

Связывая историю и культуру через образы, из антитезы двух Америк, Х. Васконселос выводит противопоставление всечеловека-метиса и североамериканца. Он соотносит первого с образом гомеровского героя Одиссея, второго — с образом героя-одиночки Робинзона Даниеля Дэфо. Рассуждая с таких позиций, он заключает, что новый человек, человек пятой расы — не Робинзон — заложник ограниченного пространства, обреченный на приспособительное поведение, он — готовый идти на риск и изменение окружающего мира Одиссей.

Со всей очевидностью универсалистские тенденции, намеченные С. Боливаром и развитые в самоидентификационной традиции следующими за ним апологетами Нового Света — Х. Марти, Х.Э. Родо, в утопическом проекте Х. Васконселоса получают свое усиление. Утверждая идею этнокультурного синтеза, определяющей особенность космической, вселенской цивилизации, он постоянно подчеркивает, что «в этой расе и культуре универсальное превратится в норму, вдохновение и реальность». Закрепляя за новой эрой «имя — Универсализм», он предрекает, что «близится час метиса» (12).

Заключение. На рубеже XIX—XX вв. наметились тенденции к формированию новой системы геополитических, социально-экономических, идеологических, культурных отношений. В европейском ракурсе условной точкой завершения процесса идентификации Нового Света можно считать начало 80-х гг. XIX в. — время окончательного вовлечения Латинской Америки в расширяющуюся систему межкультурного взаимодействия, оформления ее географического и культурно-цивилизационного определителей.

Идентификационный дискурс, инициированный в XVI в. европейским человеком и направленный «извне вовнутрь», стал побудительным мотивом к возникновению дискурса, идущего «изнутри» Нового Света. Последний, центрированный вопросом «что есть Америка?», в XVII в. приобретает отчетливые формы и находит свое выражение в ряде самоидентификационных моделей. Складывающаяся в них линия континентальной рефлексии получает свою концептуализацию в «идее Америки», которая разворачивается в самоидентификационных схемах

в виде исторической версии интеллектуального проекта, «предусматривающего обновление Америки» (Л. Сеа). Начавшись с креольских представлений, самоидентификационная нить тянется к С. Боливару, Д.Ф. Сармьенто, Х. Марти, Х.Э. Родо и Х. Васконселосу.

Направляющей вектор развития самоидентификационной традиции задала боливарийская идея понимать сущность Америки исходя из ее этнорасовой и этнокультурной сложности. Формула С. Боливара: «мы не европейцы и не индейцы, мы смешанный род человеческий», «срединный вид» (“*especie intermedia*”), раскрыла Америку как цивилизацию универсально-синтезного типа.

Идея синтеза по-своему преломляется и в последующих версиях. Исключение составляет позитивистская модель Д.Ф. Сармьенто, заданная негативистской топикой Америка—Ад. Характеризующаяся недоверием к «смешанным», метисным формам американца, она требовала радикальный подход — «прививку извне» — поглощение метиса «чистой» кровью. Отчетливый рельеф идея С. Боливара получает в «Америке» Х. Марти, где сводится к понятию «наше» (“*lo nuestro*”) с исходным постулатом индо-афро-иборо-американского «мы». С некоторыми ограничениями она присутствует в «ариэлизме» Х.Э. Родо, в идее гармоничного «человека латиноамериканского» как основы цивилизационного проекта. В гипертрофированном виде эта идея выступает у Х. Васконселоса в концепции «космической расы», но, не выдержав подобного усиления, переходит в очередной этноцентризм.

Специфической чертой американского самоидентификационного дискурса становится его опора на дискурс утопический. Однако следует отметить, что более реалистичной может быть признана модель, предложенная Х. Марти. В его концепции суммарно взаимодействуют антропологические, социальные и культурные факторы, через которые выстраивается иная цивилизационная модель.

Приоритетным в его теоретической конструкции становится реальный человек Америки. Под ним понимается все расово-этнические типы континента. За неимением общего термина, обозначающего все этнорасовое многообразие, он предлагает термин-кентавр — «туземец-метис» [7. С. 150] и вводит понятие «наша Америка», избегая определения «латинская», считая его составляющим понятие «наша». Выстроенная из «корней травы» «наша Америка» — это «наша» история как самосозидание (К. Фуэнтес).

Что же касается других интерпретационных схем, то в них, в отличие от модели Х. Марти с призывами «изучать реальную жизнь», «вывести индейца из состояния инертности и застоя», без которого не мыслится «наша Америка», реальный человек остается за гранью культурфилософской рефлексии. Он либо субстрат, требующий обогащения новой кровью (Д.Ф. Сармьенто), либо аутсайдер в силу своей непричастности к латинским корням (Х.Э. Родо), либо он видится всечеловеком всемирного будущего — человеком «космической расы», этнорасовой и социальной гармонии (Х. Васконселос), а границы территории ее воплощения — «нигде» [1. С. 205].

Выход на понимание сущности Америки через категорию синтеза раскрывает трудности решения вопроса самоидентификации. Понимание синтеза, представленное в моделях латиноамериканских авторов, носит динамический характер. Здесь синтез — это не завершение, а только становление нового качества, в котором определится американская сущность. В представленных моделях процесс самоосуществления Америки далек от завершения, из чего следует, что предложенные концепции необходимы, но недостаточны для решения вопроса самоидентификации.

Решение этого вопроса к тому же осложняется невозможностью уложить этнорасовое своеобразие континента в привычную единицу культурного измерения — нация в Латинской Америке не есть нация в традиционном смысле слова. Этнорасовая и этнокультурная проблема отражается в языковом аспекте, который служит важнейшим инструментом самоидентификации. В частности, пришедшие из иберийской Европы испанский и португальский языки подверглись взаимной лингвистической унификации, носящей как экстенсивный, так и интенсивный характер, и выступили факторами, блокирующими коммуникацию с группами носителей автохтонного языка.

Этнорасовая и этнокультурная раздробленность обусловила неустойчивость определителя на континентальном уровне. Если касаться культурологических и типологических его вариантов, то помимо рабочих терминов «Испано-» и «Иберо-» Америка встречаются такие ее определения, как «Креольская», «Индоиберийская», «Индолатинская», «Лусо-», «Афро-», «Индо-», которые сопровождаются различными идеологическими конструкциями: испанизм, ибероамериканизм, латинизм, креолизм, индоамериканизм (индеанизм), различными версиями афроамериканизма. Определения в этом словосочетании периодически подвергаются замене, претендуя на самодостаточность.

Порожденные этнокультурной и этнорасовой гетерогенностью проблемы, принадлежность Латинской Америки к цивилизационным образованиям пограничного типа обусловили незавершенность процесса самоидентификации в историческом периоде, предложенном к рассмотрению, и до настоящего времени сохраняют свою актуальность.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: Аунса Ф. Предчувствие, открытие и изобретение Америки [17. С. 265].
- (2) См., например [21], [20], а также Надъярных М.Ф. Инвенция в латиноамериканской культуре [18. С. 170—187]; Гириш Ю.Н. Воображение как культурообразующий фактор [18. С. 194—203].
- (3) *Descubrir*. Manifestar, hacer patente. || Destapar lo que está tapado o cubierto. || Hallar lo que estaba ignorado o escondido. Dícese principalmente de las tierras o mares desconocidos. || Registrar o alcanzar a ver. || Venir al conocimiento de una cosa que se ignoraba. || Quitarse de la cabeza el sombrero, gorro etc. *Inventar*. Hallar o descubrir, a fuerza ingenio y mediación, o por mero acaso, una cosa nueva o no conocida. || Hallar, imaginar, crear su obra el poeta o el artista. || Fingir hecos falsos; levantar embustes [26].

- (4) См.: *Аинса Ф.* Предчувствие, открытие и изобретение Америки [17. С. 269].
- (5) Э. О'Горман постулирует этот вопрос в качестве фундаментального в своей работе и связывает его решение с реконструкцией процесса, который определяет как «американский онтологический процесс». С его точки зрения, реконструкции должна подлежать не история открытия Америки, а история идеи, что Америка была открыта [21. Р. 12].
- (6) См.: *Земсков В.Б.* Доминго Фаустино Сармьенто и «Факундо»: история, личность автора, жанр [8. С. 231].
- (7) Цит. по: [9. С. 290].
- (8) См.: *Земсков В.Б.* Литературный процесс в общественно-культурном контексте конца XIX начала XX в. [11. С. 19—20].
- (9) О роли концепции «маски» в творчестве Х. Марти см.: [4. С. 26—27, 169—171].
- (10) См.: [22. Р. 41].
- (11) См.: *Vasconcelos J.* La raza cósmica. Misión de la raza iberoamericana. Indología: una interpretación de la cultura iberoamericana [25].
- (12) Цит. по: *Кофман А.Ф.* Литература Мексики [12. С. 94].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аинса Ф.* Реконструкция Утопии: Эссе. — М.: Наследие — Éditions UNESCO, 1999.
- [2] *Боливар С.* Речь в Ангостуре // Боливар Симон. Избранные произведения. 1812—1830. М.: Наука, 1983.
- [3] *Васейко Е.А.* Евразия — Иbero-Америка: традиции и модернизация (материалы дискуссии) // Латинская Америка. 1994. № 3.
- [4] *Гирин Ю.Н.* Поэзия Хосе Марти. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- [5] *Кофман А.Ф.* Америка несбывшихся чудес. М.: Профобразование, 2001.
- [6] *Лас Касас Б.* История Индий. М.: Наука, 1968.
- [7] *Марти Х.* Наша Америка // Марти Хосе. Избранное. М.: Художественная литература, 1974.
- [8] *Сармьенто Д.Ф.* Цивилизация и варварство. Жизнеописание Хуана Факундо Кироги, а также физический облик обычаи и нравы аргентинской республики. М.: Наука, 1988.
- [9] *Сеа Л.* Философия американской истории. М.: Прогресс, 1984.
- [10] Из истории философии Латинской Америки. М.: Наука, 1988.
- [11] История литератур Латинской Америки. Кн. 3. Конец XIX — начало XX века (1880—1910-е годы). М.: Наука, 1994.
- [12] История литератур Латинской Америки. XX век: 20—90 годы. Кн. 4. Ч. 1. М.: Наука, 2004.
- [13] История литератур Латинской Америки. Кн. 5. М.: Наука, 2005.
- [14] Концепции историко-культурной самобытности Латинской Америки. М.: Наука, 1978.
- [15] Культуры: диалог народов мира. Латинская Америка: народы и культура. М.: Прогресс, 1986. № 3.
- [16] Три каравеллы на горизонте. М.: Международные отношения, 1991.
- [17] Хроники Открытия Америки 500 лет. Антология. М.: Наследие, 1998.
- [18] *Iberica Americans.* Latinoamericana cultura в дискуссиях конца XX — начала XXI веков. М.: ИМЛИ РАН, 2009.
- [19] *Ardao A.* Génesis de la idea y el nombre de América Latina. Caracas: Centro de estudios latinoamericanos Rómulo Gallegos, 1980.
- [20] *Dussel E.* 1492. El encubrimiento del Otro. Hacia el origen del “mito de la Modernidad”. La Paz: Univ. De San Andrés, 1994.
- [21] *O'Gorman E.* La invención de América: investigación acerca de estructura histórica del Nuevo Mundo y del sentido de su devenir. México: F.C.E., 1984.

- [22] *Rodó J.E.* Ariel y Proteo selecto. Caracas: Ed. Biblioteca Ayacucho, 1993.
- [23] *Roig A.* Teoría y crítica del pensamiento latinoamericano. México: F.C.E, 1981.
- [24] *Rojas Mix M.* Los cien nombres de América: Eso que descubrió Colón. Costa Rica: Ed. de la Univ. de Costa Rica, 1997.
- [25] *Vasconcelos J.* Obras Completas. T. II. México: Libreros Mexicanos Unidos, 1958.
- [26] Diccionario de la lengua española. Real Academia Española. Madrid: Ed. Espasa-Calpe, S.A., 1956.

REFERENCE

- [1] Ainsa F. Rekonstrukcija Utopii: Jesse. M.: Nasledie — Éditions UNESCO, 1999.
- [2] Bolivar S. Rech' v Angosture // Bolivar Simon. Izbrannye proizvedenija. 1812—1830. M.: Nauka, 1983.
- [3] Vasejko E.A. Evrazija — Ibero-Amerika: tradicii i modernizacija (materialy diskussii) // Latinskaja Amerika. 1994. № 3.
- [4] Girin Ju.N. Pojezija Hose Marti. M.: IMLI RAN, 2002.
- [5] Kofman A.F. Amerika nesbyvshijsja chudes. M.: Profobrazovanie, 2001.
- [6] Las Kasas B. Istorija Indij. M.: Nauka, 1968.
- [7] Marti H. Nasha Amerika // Marti Hose. Izbrannoe. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1974.
- [8] Sarm'ento D.F. Civilizacija i varvarstvo. Zhizneopisanie Huana Fakundo Kirogi, a takzhe fizicheskij oblik obychai i nravy argentinskoj respubliki. M.: Nauka, 1988.
- [9] Sea L. Filosofija amerikanskoj istorii. M.: Progress, 1984.
- [10] Iz istorii filosofii Latinskoj Ameriki. M.: Nauka, 1988.
- [11] Istorija literatur Latinskoj Ameriki. Kn. 3. Konec XIX — nachalo XX veka (1880—1910-e gody). M.: Nauka, 1994.
- [12] Istorija literatur Latinskoj Ameriki. XX vek: 20—90 gody. Kn. 4. Ch. 1. M.: Nauka, 2004.
- [13] Istorija literatur Latinskoj Ameriki. Kn. 5. M.: Nauka, 2005.
- [14] Koncepicii istoriko-kul'turnoj samobytnosti Latinskoj Ameriki. M.: Nauka, 1978.
- [15] Kul'tury: dialog narodov mira. Latinskaja Amerika: narody i kul'tura. M.: Progress, 1986. № 3.
- [16] Tri karavelly na gorizonte. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1991.
- [17] Hroniki Otkrytija Ameriki 500 let. Antologija. M.: Nasledie, 1998.
- [18] Iberica Americans. Latinoamerikanskaja kul'tura v diskussijah konca XX — nachala XXI vekov. M.: IMLI RAN, 2009.
- [19] Ardao A. Génesis de la idea y el nombre de América Latina. Caracas: Centro de estudios latinoamericanos Rómulo Gallegos, 1980.
- [20] Dussel E. 1492. El encubrimiento del Otro. Hacia el origen del “mito de la Modernidad”. La Paz: Univ. De San Andrés, 1994.
- [21] O’Gorman E. La invención de América: investigación acerca de estructura histórica del Nuevo Mundo y del sentido de su devenir. México: F.C.E., 1984.
- [22] Rodó J.E. Ariel y Proteo selecto. Caracas: Ed. Biblioteca Ayacucho, 1993.
- [23] Roig A. Teoría y crítica del pensamiento latinoamericano. México: F.C.E, 1981.
- [24] Rojas Mix M. Los cien nombres de América: Eso que descubrió Colón. Costa Rica: Ed. de la Univ. de Costa Rica, 1997.
- [25] Vasconcelos J. Obras Completas. T. II. México: Libreros Mexicanos Unidos, 1958.
- [26] Diccionario de la lengua española. Real Academia Española. Madrid: Ed. Espasa-Calpe, S.A., 1956.

**BUIDING SELF-IDENTIFICATION MODELS:
LATIN-AMERICAN CIVILIZACIONAL VERSION**

Part 2. From the beginning of continent
colonisation to XX century

O.Y. Bondar

Department of Social Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The self-identification models building process is being considered upon the examples of border civilizations in their complicity and specifics, and relation to historical and cultural contexts. The author reveals the essence of America and its people in two prospectives: external European and internal, proceeding from the core of the american reality.

Key words: otherness, invention, colonization, Conquista, mythologem, New World, discovery, border civilization, self-identification, essence of America.